

— Цзи Сюань!..

В этом яростном реве звучала непреклонная, железная уверенность. Гневный голос пробивался не только сквозь толщу иссушающих вод, но и сквозь пелену тысячи лет разлуки.

Отыскать в кромешной тьме уставившиеся на них глаза было непросто, однако Юй Уцзюэ спиной чувствовал этот пронзительный взгляд.

Сам он лишь недоумевал, но остальные при звуках этого имени заметно вздрогнули.

Острее всех отреагировал Хэ Бугуй. Едва расслышав крик, он мгновенно призвал марионеток. Из его широких рукавов со свистом вылетели четыре маленьких меча. Коснувшись земли, они тут же обратились в боевые куклы и с металлическим лязгом обнажили клинки, заслоняя хозяина.

В противовес оцетинившимся оружием марионеткам, водяные демоны за стеклянной стеной заволновались еще сильнее. Одолеваемые любопытством, уродливые гигантские морды сползались из глубин, точно прожорливые карпы в пруду во время кормежки. Они таращились на застывших на каменной тропе людей и оживленно перешептывались на своем булькающем наречии.

— Кто здесь? А ну покажись, не то... — сурово бросил Бай Инчи.

— Ищи, — холодно перебил его Хэ Бугуй.

У бессмертного Тайвэя не было ни малейшего желания выслушивать лепет водяных тварей. По его безмолвному приказу марионетки прижали ладони к стеклянной преграде. Мгновение — и их тела беспрепятственно скользнули сквозь стекло. Лишенные жизни куклы не боялись иссушающей воды, двигаясь в ней так же легко, как в обычном море.

Орудя мечами, марионетки заскользили среди монстров и вскоре выволокли оттуда дрожащую от страха гигантскую раковину.

Сквозь прозрачную стену это зрелище казалось нелепым: одна марионетка поддевала створку мечом, пытаясь раскрыть раковину, а другая придерживала ее снизу. Перепуганный моллюск пронзительно верещал — его тонкий писк совершенно не походил на тот давешний, утробный рев.

Когда острый меч вонзилось в мягкую плоть, створки распахнулись. Внутри показалась женщина-демон, сросшаяся с раковиной лишь наполовину. Рядом с ней лежало еще одно человекоподобное тело — иссохшее, похожее на мумию.

— Судя по всему, это двуполый демон-жемчужница — Жемчужница-Близнецы, — припомнив

старые свитки, заговорил Лин Сы. — В одной раковине у них уживаются мужское и женское обличья. Писали, что эти существа огромны и прожорливы, питаются плотью, так что прочие морские твари обходят их стороной. Если им не хватает добычи в море, они нападают на прибрежные деревни. Но почему этот экземпляр...

— Такой крошечный? Да еще и усох весь, — закончил за него Юй Уцюэ.

Женское обличье демона, казалось, сидело на коленях внутри раковины, будучи ее частью. Вскинув на него жалобный взгляд, она залилась горячими слезами:

— Сжальтесь, бессмертный господин! Это мой муж закричал... Он... он уже при смерти и бредит!

Словно в подтверждение ее слов, иссохший самец снова приоткрыл рот и глухо засипел:

— Цзи Сюань!..

Марионетка приставила клинок к горлу плачущей женщины. У Хэ Бугуя не было привычки щадить врагов за смазливое личико.

— Где ты слышала это имя? — ледяным тоном спросил он.

— В песне... — вжав голову в плечи, забормотала та. — В песне постоянно поют... «Город Вечности пал, все обратилось в прах...»

— Ты слышишь чье-то пение? — вмешался Бай Инчи.

— Так оно и сейчас звучит, — утирая слезы, удивилась демоница. — Неужели вы не слышите?

Бай Инчи переглянулся с Хэ Бугуем.

«Песнь», доступная лишь уху чудовищ, наверняка была неким заклятием, передаваемым с помощью магии. И на ум сейчас приходило только одно искусство — Мутная Луна.

Хэ Бугуй шевельнул пальцами. Марионетка слегка надала клинком, рассекая нежную плоть. Женщина вскрикнула и уже собралась закатить истерику, но бессмертный жестко пресек ее:

— Спой. Живо.

Шмыгая носом, она затянула унылый мотив на древнем, чужом наречии. Песня не имела ни ладного ритма, ни красивой мелодии — люди лишь недоуменно переглядывались. Зато

чудовища за стеклом, услышав ее, принялись вторить дикими голосами.

Юй Уцюэ же с первых слов ощутил странное дежавю. Ему казалось, этот мотив уже звучал в его снах — тогда его напевал глубокий, невероятно приятный мужской голос.

В сновидениях все было зыбким и неясным, но та песнь была преисполнена такой нежности, что даровала душе полный покой.

Совсем не то убожество, что была сейчас растрепанная русалка.

— О чем поется? — нетерпеливо спросил Хэ Бугуй, когда она смолкла.

— О том... — лепетала дрожащая пленница, — о том, что Цзи Сюань жив. Когда грянет новая война, все живое воспрянет ото сна. Древние боги явятся в мир, вернут нас в павший город и возродят былую славу.

Закончив перевод, она вцепилась в края раковины и умоляюще запричитала:

— Мой муж умирает... Мы закричали только ради того, чтобы привлечь ваше внимание! Спасите его, умоляю! Обещаю, мы больше никогда не станем есть людей!

Марионетки убрали мечи и скользнули обратно на каменную тропу. Хэ Бугуй указал на демоницу:

— Запиши все слова, что слышишь. Вырежи их хоть на водорослях, хоть на створках собственной раковины и передай мне.

— Слушаюсь, все сделаю! Спасибо вам, великий господин! — взмолилась та, сияя от счастья.

Поскольку обитатели глубин пребывали в полудреме, Бай Инчи зажег светильник, и отряд двинулся дальше в темноту. Услышанное от жемчужницы оставило тяжелый осадок. По ту сторону прозрачной преграды то и дело раздавались глухие удары когтей и хвостов, а невнятный шепот водяных тварей терзал слух.

Хэ Бугуй уже немного жалел, что потащил Юй Уцюэ за собой. Теперь он сжимал его руку еще крепче, фактически увлекая парня за собой быстрым шагом. Почувствовав, какими ледяными стали пальцы бессмертного, Юй Уцюэ молча достал из дорожного мешка чистое, аккуратно сложенное теплое одеяние и накинул ему на плечи.

Ночью применять заклинания было опасно — приходилось расходовать скудные крупички духовной силы, скопленные за день, отчего тело слабело еще сильнее. Хэ Бугуй притормозил. Юй Уцюэ ловким движением завязал тесемки плаща у него на шее.

Заметив, что юноша собирается что-то сказать, Хэ Бугуй предостерегающе качнул головой, увлек его ближе к себе и потащил дальше.

Вокруг кишели монстры, и расспрашивать вслух было неразумно. Набравшись смелости, Юй Уцюэ воспользовался мысленной связью:

«Бессмертный Хэ, а кто такой Цзи Сюань?»

Хэ Бугуй промолчал.

«А павший город — это та древняя крепость у реки Байлинчуань?»

Ответа снова не последовало.

«Я слышал, ее называют мертвым городом. Там постоянно гуляет ледяной ветер, а завывания призраков разносятся на многие ли. Из-за этого на окрестных полях ничего не растет. Странно: вроде бы рядом река и море, но все русла вокруг пересохли. Проклятое место».

«Но недавно в одной книге я прочел, что до того, как прослыть Городом Бессмертия, он звался Городом Вечности. Описание гласило, что это благодатный край с великолепным фэншуй. Как же он превратился в такое пепелище?»

«А еще поговаривают...»

Чудовищ за стеклом прибывало. Их многоголосый булькающий хор сливался в сплошной давящий гул, который и так действовал на нервы, а тут еще Юй Уцюэ безумолку трещал в голове.

Не выдержав, Хэ Бугуй раздраженно оборвал его:

«Юй Уцюэ, поменьше читай глупых басен».

«В баснях тоже есть крупинцы истины. К примеру, там часто пишут, что несчастные на вид речные девы — искуснейшие обманщицы».

«К чему ты клонишь?»

«Да к тому, что эта жемчужница соврала. Разыграла тут перед нами драму, чтобы разжалобить. Вы уж, бессмертный господин, не поддавайтесь на ее невинные слезки и девичьи чары».

«Невинные слезки»? «Девичьи чары»? Да кто в здравом уме станет разглядывать красоту склизкой рыбины в раковине?

Впрочем, то, что парень уловил фальшь в ее речах, заинтриговало Хэ Бугуя. Он решил устроить ему небольшую проверку:

«Она действительно в плачевном положении, да и супруг ее едва дышит. С чего ты взял, что она лжет?»

Юй Уцюэ бросил на него многозначительный взгляд, в котором читалось: «Ну конечно, растаял перед красоткой».

«Всех этих монстров ведь заперли здесь не просто так. Очевидно, они совершили нечто ужасное, раз их обрекли на медленное угасание в иссушающей воде. Будь я на ее месте — просидев взаперти несколько веков и глядя, как муж превращается в мумию, — неужели я бы с первого взгляда поверил обещаниям заезжего заклинателя и бросился покорно выполнять его поручения?»

А ведь логика железная.

Хэ Бугуй мысленно отдал ему должное, но промолчал, позволяя юноше продолжить рассуждения.

«Чудовища, способные выжить в этих казематах, — древние бестии, чей разум превосходит человеческий. Из-за иссушающей воды многие из них лишились рассудка, но эта барышня излагала все предельно складно и четко. На фоне безумных тварей, бьющихся о стекло, ее духовные силы явно на порядок выше. Так что весь этот страх и трепет — чистой воды притворство».

«Она намеренно разыграла представление, чтобы донести до нас содержание песни. Думаю...»

Хэ Бугуй едва заметно и одобрительно усмехнулся.

«Она передавала чужую весть. Сделала так, чтобы мы гарантированно услышали пророчество».

«Так вы тоже это поняли? А я-то испугался, что вы и впрямь пожалели бедняжку».

Жалость? В лексиконе Хэ Бугуя отродясь не водилось подобных глупостей.

«Даже если в ее словах есть доля правды, сочувствия она не дождетсЯ. На руках этой твари столько крови, что ее грехи не искупить вовек. И уж точно не мне отпускать ей грехи.

Впрочем, ты молодец, Юй Уцюэ. Твоей наблюдательности можно позавидовать».

Услышать от ледяного бессмертного столь искреннюю похвалу было верхом блаженства. Юй Уцюэ просиял и заглядывал ему в лицо, переполненный гордостью.

«И какая же мне полагается награда?»

«Чего ты хочешь?»

«Хочу стать твоим учеником» — вертелось на языке. Но разве тот согласится? Конечно же, нет.

Юй Уцюэ не посмел озвучить заветное желание, а потому после недолгих колебаний ответил:

«Расскажи мне о Цзи Сюане. И что это за "птица", о которой толковали демоны? Ну и... если можно, приоткрой тайну моего происхождения».

Хэ Бугуй мысленно вздохнул. Как и следовало ожидать, этот пройдоха уцепился за каждую обмолвку. То, что он не стал расспрашивать при всех, уже требовало от него недюжинной выдержки.

«Слишком много вопросов. Выбирай что-то одно».

«Тогда выбери сам. Расскажи то, о чем, по твоему мнению, мне уже дозволено знать».

Хэ Бугуй на миг опешил.

С одной стороны, парень проявил неслыханную дерзость, переложив выбор на него, но с другой — выказал удивительную деликатность и почтение.

Слова отказа, готовые уже сорваться с губ, застряли в горле. Бессмертный нехотя уступил:

«Ладно. Вернемся в обитель — тогда и поговорим».

Спустя четверть часа они достигли узилища Утяня.

Голос пленника слышался задолго до того, как они приблизились к камере. Его пение разительно отличалось от завываний давешней жемчужницы: мелодия лилась плавно, слова складывались в стройные стихи. Именно эти звуки навевали на Юй Уцюэ то самое умиротворение в полузабытых снах.

Древний монстр словно предчувствовал визит незваных гостей. Последние ноты затихли ровно в тот миг, когда отряд остановился перед прозрачной стеной. Сам Утянь неподвижно парил в толще воды, мерно покачиваясь на волнах.

Обликом он точь-в-точь походил на изображение со свитков: восемь голов и восемь торсов срастались в единое исполинское тело, переходящее пониже пояса в мощные щупальца. Изумрудная чешуя отливала в полумраке холодным блеском. Даже скованный иссушающими водами и отделенный стеклом, этот колосс внушал первобытный трепет. Его мощь давила физически.

Бай Инчи сделал шаг вперед, вглядываясь в скопище ликов. Выбрав наконец нужную голову, он слегка поклонился в приветствии:

— Владыка вод очнулся. Полагаю, у вас есть что поведать нам?

— Владыка вод? — удивленно переспросил шепотом Юй Уцюэ.

— Настоящее имя Утяня — Тяньу, — так же тихо пояснил Лин Сы. — Это древний полубог, повелевающий бурями и штормами. В давние времена смертные почитали его как Владыку вод, просили о дождях и хорошем улове. Но затем его разум помутился, он погряз в жестокости и превратился в свирепое чудовище, терроризировавшее Восточное море. С тех пор люди перестали величать его прежним титулом, а имя переиначили на обратный лад.

Теперь становилось понятно, почему восемь его лиц так разительно отличались друг от друга. Одно скалилось в глупой похотливой ухмылке с плотно закрытыми веками, другое таращило пустые глазницы и пускало слюни, явно лишившись зачатков разума. Лишь та голова, к которой обратился Бай Инчи, хранила ясность ума.

Этот лик дышал благородством и величием: волевой подбородок, точеные черты лица — истинный канонический красавец, не вызывающий ни капли неприязни.

Утянь величаво кивнул в ответ:

— Мир снаружи стоит на пороге великих потрясений. Времена меняются, и у Дворца Небесного Предела давно сменился хозяин.

— Мое имя — Бай Инчи, — ровным тоном представился тот. — Я имею честь быть тридцать седьмым главой дворца.

— Вот как... — Утянь смерил его долгим, оценивающим взглядом. — Мое почтение.

Юй Уцюэ внимательно вглядывался в очертания чудовища.

«Это точно он, я не мог обознаться. Но та голова, что нападала на нас... кажется, сейчас спит?»

Хэ Бугуй незаметно покосился на юношу:

«Которая из них?»

«Слева, четвертая снизу. У нее еще на кончике правой брови приметная родинка с волоском».

«.....»

Хэ Бугуй промолчал, уставившись на указанную голову.

Она действительно мирно покоилась на плече чудовища. И не она одна: из восьми ликов Утяня бодрствовали лишь три. Остальные пять безжизненно свисали на грудь. Но даже среди тех, что открыли глаза, разум сохранял лишь один — двое других безумно вращали зрачками, напоминая юродивых.

Утянь скользнул взглядом по вошедшим и вдруг, заметив Хэ Бугуя, церемонно склонился перед ним:

— Приветствую вас, бессмертный мастер.

Хэ Бугуй безучастно отвел глаза. Водить дружбу с демонами он не собирался.

— Зачем вы разделили свою душу, Владыка вод? Для чего ваши осколки нападали на невинных людей? — прямо спросил Бай Инчи.

— Вы думаете, мне доставляло удовольствие столь недостойное занятие? — Утянь печально опустил веки. — Раз уж вы здесь, то наверняка догадываетесь, что чужая магия подчинила мою волю. Моя душа оказалась беззащитна перед этим древним искусством.

Старейшина Кайян вздрогнул:

— Магия душ?

— Неужели то самое запретное искусство, что считалось безвозвратно утерянным? — округлил глаза Лин Сы.

Юй Уцюэ, который умудрился освоить эту запретную технику сам того не ведая, похолодел от страха. Вдруг это из-за его манипуляций чудовище взбесилось? Но поскольку великие мастера

не обратили на него внимания, дело, похоже, было в ком-то другом. Он незаметно перевел дух.

— Кто-то подчинил вашу душу и умышленно направил осколки в мир, чтобы привлечь наше внимание? — прищурился Бай Инчи.

Слова жемчужницы и безумные метания блуждающих призраков теперь складывались в единую мозаику. Все это выглядело как тщательно спланированная диверсия.

— Глава Бай проницателен, — горько усмехнулся Утянь. — Намерения кукловода мне неведомы. Я знать не знаю никакого Цзи Сюаня, да и пророчества о пришествии богов слышу впервые. Выбор пал на меня лишь потому, что моя душа едина в восьми ипостасях, а земной срок подходит к концу.

— Но ведь Владыка вод родился на заре времен! — недоуменно подался вперед Лин Сы. — Ваша жизнь должна длиться вечно. Как вы можете умереть?

Утянь шевельнулся, позволяя рассмотреть его поближе. Нижняя часть его тела сочилась зловонной слизью, некоторые щупальца сморщились и усохли. Те головы, что безвольно свисали вниз, покрылись трупными пятнами синюшного оттенка. Кожа на них натянулась и потрескалась, точь-в-точь как у иссохшего мужа-жемчужницы. Сомнений не было: чудовище угасало.

Обычно кукловоды порабащают чужую душу, дабы завладеть могучим телом. Но плоть Утяня уже гнила заживо — от такого сосуда толку мало. Тогда зачем тратить силы на ритуал?

Осколки его духа не могли натворить серьезных бед, лишь сеяли панику да слухи среди смертных.

В чем же истинный замысел?

Заметив, как нахмурился погруженный в думы Хэ Бугуй, Утянь вкрадчиво обратился к нему:

— Достопочтенный мастер размышляет над тем, какая польза негодяю от умирающего калеки?

— Если есть что сказать — говори, — безучастно обронил тот.

— У меня есть тайна, — тихо рассмеялся Утянь. — Но поведаю я ее лишь вам. Пусть остальные отойдут. Подойдите ближе, бессмертный.

Бай Инчи мгновенно заслонил его собой, а Юй Уцюэ, повинувшись тому же порыву, преградил путь к Хэ Бугую рукой.

— Говорите здесь, Владыка вод. Нам незачем скрывать, — твердо произнес Бай Инчи.

— Вот именно. Рассказывайте при всех, нам тоже любопытно послушать! — поддакнул Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй бесцеремонно отодвинул обоих защитников в сторону:

— Не путайтесь под ногами. Отойдите. Он действительно на последнем издыхании, пускай выскажется.

— Шиди, стой, — воспротивился Бай Инчи. — Эти твари хитры...

— Знаю. Или ты мне не доверяешь? — отрезал Хэ Бугуй, не давая ему договорить, после чего легонько подтолкнул старшего брата к парню: — Юй Уцюэ, уведи своего главу. И сам не смей приближаться.

Боевые марионетки мягко, но непреклонно оттеснили отряд назад. Убедившись, что свидетели находятся на безопасном расстоянии, Хэ Бугуй сделал шаг к стеклянной стене.

Уважения к поверженному полубогу он не испытывал, а потому сразу перешел к делу:

— Тебе что-то от меня нужно.

— Выслушайте меня, мастер, — взмолился Утянь. — Мои дни сочтены, у меня нет сил даже на то, чтобы отыскать собственные сбежавшие осколки. Но если вы поможете мне продлить жизнь, я клянусь остановить эту смуту. Я верну контроль над душой, вычислю предателя и выдам его вам. А когда мой срок окончательно выйдет, я завещаю вам свое тело и внутреннее ядро. Вы сможете забрать их.

— Забрать? — прищурился Хэ Бугуй.

— Ваши меридианы разрушены, духовные каналы едва дышат, — заговорщически прошептал Утянь. — Мои кости и древнее ядро способны полностью переродить вашу плоть. Вы вернете былую мощь и величие, исцелившись без следа.

Эти речи до боли напоминали уловки ярмарочных шарлатанов, торгующих чудодейственными снадобьями. Трудно было поверить, что подобный вздор несет грозный наводнитель морей.

Впрочем, Хэ Бугуй притворно заинтересовался. Сделав пару шагов вдоль преграды, он осведомился:

— И какова твоя цена?

— Моя цена проста... — Утянь жадно облизал потрескавшиеся губы. — Плоть священной птицы. Если позволите отведать хоть кусочек, я проживу еще сотню лет.

— Вот оно как... — Хэ Бугуй протяжно и насмешливо выдохнул.

Решив, что наживка заглочена, Утянь прильнул к самому стеклу и вытянул дрожащую руку:

— Лишь один укус... Позвольте мне сделать всего один укус!

Этот безумный, вождедеющий взгляд искренне рассмешил Хэ Бугуя. Бессмертный Тайвэй улыбнулся — хищно и убийственно холодно:

— Столько вежливых речей, Владыка вод... А ты, оказывается, просто мечтаешь мной отобедать?

<http://bllate.org/book/20165/2161560>